

УДК 379.85

DOI: 10.22412/1995-042X-2026-20-3-5-8

«СЛОЖНЫЕ» МАРШРУТЫ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭКСКУРСИОННЫХ ПРОГРАММ

Долгое время внутренний туризм в России развивался по экстенсивной модели. Путешествие воспринималось как способ сменить картинку, отдохнуть от рутины и получить дозу визуального комфорта. Классическая экскурсионная программа – Золотое кольцо с его лакированными храмами, парадный Петербург или черноморские набережные – работала безупречно. Эпоха «галопом по достопримечательностям», когда турист выступал в роли безмолвного потребителя картинок, безвозвратно уходит в прошлое. Долгое время внутренний туризм существовал в парадигме «галочек»: Красная площадь – есть, Эрмитаж – видел, на Байкале – был. Классическая обзорная экскурсия с набором заученных дат и видом из окна автобуса все чаще вызывает у современного путешественника чувство туристической асфиксии. На смену ей приходит запрос на подлинность, соучастие и интеллектуальное усилие. Российский туризм переживает фундаментальный сдвиг: на первый план выходят «сложные» маршруты и радикальное переосмысление самого формата экскурсий. Это не просто смена декораций – это смена парадигмы, в которой Россия перестает быть просто «страной для отдыха» и становится пространством для глубокого исследования. В основе этого явления лежит запрос на иммерсивность, и три направления – индустриальный туризм, гастрономические экспедиции и авторские экскурсии – становятся столпами нового краеведения.

Фундаментальная причина этого сдвига кроется в пресыщении. Стандартный набор из автобуса, гида с флажком, заученного текста про «уникальный архитектурный памятник XVIII века» и свободного времени на покупку сувениров больше не создает эмоционального капитала. Современный путешественник, выросший в эпоху Интернета, уже видел

фотографии всех дворцов мира. Ему не нужно просто видеть, ему нужно проживать.

«Сложность» современного маршрута – это не только километраж или отсутствие асфальта. Когда мы говорим о «сложных» маршрутах, речь не всегда идет о физической экстремальности (хотя экспедиции на плато Путорана или в арктические пустыни тоже в эту категорию попадают). Главная сложность современных маршрутов – когнитивная и эмоциональная.

Это комплексная категория, включающая три измерения:

- физическое: преодоление себя. Трекинг к плато Путорана, автономные экспедиции по Курильским островам, лыжные переходы по льду Байкала или восхождения на вулканы Камчатки. Здесь Россия обладает колоссальным, почти монопольным преимуществом перед перегруженной инфраструктурой Европы. Наша страна предлагает подлинную дикую природу, где для встречи с ней требуются усилия, подготовка и уважение;
- интеллектуальное: отказ от готовых нарративов. Турист требует контекста. Экскурсия о блокаде Ленинграда перестает быть перечислением дат и тонно-километров перевезенных грузов; она превращается в исследование психологии выживания через чтение дневников (как проект «Голоса Блокады»). Поездка в Выксу вместо осмотра заводских труб включает знакомство с современным стрит-артом и промышленным дизайном. Маршрут по Русскому Северу обрastaет изучением диалектов старообрядцев;
- этическое и социальное: погружение в локальную среду. Путешественник хочет понимать, как устроена жизнь за пределами туристических кластеров. Отсюда растет популярность волонтерского туризма

(реставрация деревянных часовен Кен-озерья), гастрономических экспедиций к фермерам Алтая или Дагестана, а также маршрутов, направленных на поддержку исчезающих ремесел.

Ренессанс переживают авторские экскурсии, где ключевым звеном становится личность гида. Гид нового времени – это не транслятор энциклопедических знаний (их легко найти в смартфоне). Это сторителлер, модератор смыслов и проводник. Его задача – не дать готовые ответы, а задать правильные вопросы. Экскурсия становится диалогом, а иногда и коллективным философским исследованием. Это глубокое погружение в историю и архитектуру через призму локального жителя – историка, краеведа или просто увлеченного горожанина. Такой проводник не транслирует безликую энциклопедическую сводку; он работает с контекстом, личными воспоминаниями и микро-историями. Прогуливаясь с ним по Суздалю или Зарайску, турист погружается в этнику места не через костюмированное шоу, а через живую речь, спорные гипотезы и неизбитые маршруты. Фигура местного гида превращает город из открыточной декорации в трехмерное, осязаемое пространство, где за каждым наличником стоит человеческая судьба.

Запрос на сложные маршруты неизбежно тянет за собой инфраструктуру. Государственные программы развития туризма начинают смещать фокус с строительства гигантских отелей all-inclusive на создание сети модульных глэмпингов в труднодоступных местах, реставрацию старых турбаз и развитие малой авиации. Сложный маршрут требует сложной логистики: трансферов на вертолетах, судов на воздушной подушке, спутникового трекинга.

У этого тренда есть и обратная сторона. Во-первых, риск романтизации сурового быта. Популяризация Териберки или плато Бермамыт ставит хрупкие экосистемы на грань коллапса из-за наплыва неподготовленных людей, ищущих лишь красивую фотографию. Дикий туризм нуждается в грамотном регулировании, а не в полном запрете. Во-вторых, угроза

коммодификации (товаризации) аутентичности. Как только глубинка становится модной, туда приходят сетевые бренды, убивая ту самую первозданность, за которой ехал турист.

Наконец, существует проблема квалификации кадров. Провести сложную интеллектуальную экскурсию может только специалист с глубоким междисциплинарным бэкграундом, а гиды старой школы зачастую не готовы к смене парадигмы. Требуется масштабная переподготовка кадров, способных работать с тонкой тканью локальной истории, а не просто озвучивать методичку.

Более того, «сложный» турист тратит деньги иначе. Он готов платить не за шведский стол, а за услуги повара-сушиста на берегу Охотского моря, за аренду качественного экспедиционного снаряжения, за работу проводника из числа коренных малочисленных народов Севера. Происходит перераспределение финансовых потоков: деньги уходят от крупных операторов в микробизнес конкретных территорий. Это формирует новую экономику впечатлений, где главным капиталом становится аутентичность.

Бум «сложных» маршрутов и авторских программ – это признак взросления российского туристического рынка и самого общества. Мы перестали стесняться своей огромной, местами неудобной и негламурной страны. Путешественник осознал, что главная достопримечательность России – это не гранитные набережные, а ее сложность: климатическая, историческая, человеческая.

Современный российский туризм перестает быть способом убежать от реальности. Напротив, он становится инструментом ее познания. И чем сложнее, многослойнее и требовательнее оказывается маршрут, тем более ценным и преображающим становится итоговое впечатление. Анатомия этой новой глубины показывает: самый длинный и трудный путь домой неизменно приводит к самому важному открытию – пониманию собственной идентичности.

Главный редактор
проф. Новикова Н. Г.

UDC 379.85

DOI: 10.22412/1995-042X-2026-20-3-5-8

“COMPLEX” ROUTES AND RETHINKING TOUR PROGRAMS

For a long time, domestic tourism in Russia has developed along an extensive model. Travel has been perceived as a way to change scenery, take a break from routine, and enjoy a dose of visual comfort. The classic excursion program as the Golden Ring with varnished churches, the gorgeous St. Petersburg, or the Black Sea embankments have been working perfectly. The era of “hitting the highlights” when tourists acted as silent consumers of images, is fading into the past forever. For a long time, domestic tourism has been existing within a “checklist” paradigm: Red Square – done, the Hermitage – checked, Lake Baikal – on the list of visited places. The classic sightseeing tour with its memorized dates and views from the bus window increasingly evokes a feeling of tourist asphyxiation in the modern traveler. It is being replaced by a demand for authenticity, participation, and intellectual effort. Russian tourism is undergoing a fundamental shift and “complex” routes are taking center stage, along with a radical rethinking of the excursion format itself. This isn't just a change of scenery – it's a paradigm shift, in which Russia is no longer simply a “vacation destination” but a space for in-depth exploration. At the core of this phenomenon is a demand for immersion, and three trends as industrial tourism, culinary expeditions, and original author tours are forming the backbone of the new regional studies.

The fundamental reason for this shift lies in saturation. The standard package of a bus, a guide with a flag, a memorized text about a “unique 18th-century architectural monument,” and free time to buy souvenirs no longer creates emotional capital. The modern traveler, raised in the internet age, has already seen photographs of every palace in the world. They don't just need to see; they need to experience it.

The «complexity» of a modern route isn't just the mileage or the lack of asphalted road. When we talk about “complex” routes, we're not always talking about physical extremes (although expeditions to the Putorana Plateau or Arctic deserts also fall into this category). The main challenge of modern routes is cognitive and emotional.

This complex category includes three dimensions:

- Physical dimension: overcoming oneself. Trekking to the Putorana Plateau, autonomous expeditions across the Kuril Islands, skiing across the frozen Lake Baikal, or climbing the volcanoes of Kamchatka. Here, Russia has a colossal, almost monopolistic advantage over Europe's overburdened infrastructure. Our country offers genuine wilderness, where encountering it requires effort, preparation, and respect.
- Intellectual dimension: rejecting ready-made narratives. Tourists demand context. A tour about the Siege of Leningrad ceases to be a list of dates and ton-kilometers of cargo transported; it becomes an exploration of the psychology of survival through reading diaries (like the “Voices of the Siege” project). A trip to Vyksa, instead of exploring factory chimneys, includes an introduction to contemporary street art and industrial design. A route through the Russian North includes a study of Old Believer dialects.
- Ethical and social dimension: immersion in the local environment. Travelers want to understand how life works outside of tourist clusters. This is the reason for the growing popularity of volunteer tourism (restoration of wooden chapels in Kenozero), culinary

expeditions to farmers in Altai or Dagestan, and routes aimed at supporting disappearing crafts.

Authorized tours, where the personality of the guide is becoming a key element, are experiencing a renaissance. Modern guides are not transmitters of encyclopedic knowledge, which is easy to find on a smartphone. They are storytellers, moderators of meaning, and conductors. Their task is not to provide ready-made answers, but to ask the right questions. A tour becomes a dialogue, and sometimes even a collective philosophical exploration. It is a deep immersion in history and architecture through the lens of a resident – a historian, a local studies expert, or simply a passionate citizen. Such a guide does not convey a faceless encyclopedic summary and works with context, personal memories, and micro-stories. Walking with him through Suzdal or Zaraysk, tourists immerse themselves in the local ethnicity not through a costume show, but through live speech, controversial hypotheses, and unconventional routes. The figure of a local guide transforms the city from a postcard backdrop into a three-dimensional, tangible space, where every window frame reveals a human destiny.

The demand for complex routes inevitably entails infrastructure. State tourism development programs are beginning to shift focus from constructing giant all-inclusive hotels to creating a network of modular glamping sites in hard-to-reach places as well as to restoring old tourist centers and developing the small aviation. A complex route requires sophisticated logistics: helicopter transfers, hovercraft, and satellite tracking.

This trend also has a downside. First, there's the risk of romanticizing the harsh reality of everyday life. The popularization of Teriberka or the Bermamyt Plateau puts fragile ecosystems on the brink of collapse due to an influx of unprepared people seeking only a pretty photo. Wild tourism requires proper regulation, not a complete ban.

Secondly, there's the threat of the authenticity commodification. As soon as remote areas become fashionable, chain brands come there, destroying the very pristine experience looked for by tourists.

Finally, there's the issue of staff qualifications. Only a specialist with a deep interdisciplinary background can lead a complex intellectual tour, and old-school guides are often unprepared for this paradigm shift. We need to retrain staff on a significant scale: they should be able to handle the nuances of local history rather than merely follow a script.

Furthermore, "complex" tourists spend money differently. They want to pay not for a buffet, but for the services of a sushi chef on the shores of the Sea of Okhotsk, for the rental of high-quality expedition equipment, and for the services of a guide from the indigenous peoples of the North. A redistribution of financial flows is taking place: money is moving from large operators to microbusinesses in specific areas. This is creating a new experience economy, where authenticity is becoming the main asset.

The boom in "complex" routes and original author programs is a sign of the maturation of the Russian tourism market and society itself. We have stopped being embarrassed by our vast, sometimes inconvenient and unglamorous country. Travelers have realized that Russia's main attraction is not its granite embankments, but its complexity: climate, history, and humanity.

Modern Russian tourism is no longer a way to escape reality. On the contrary, it is becoming a tool for understanding it. And the more complex, multi-layered, and demanding the route, the more valuable and transformative the final experience becomes. The anatomy of this new depth shows that the longest and most difficult path home invariably leads to the most important discovery, which means understanding one's own identity.

Editor-in-chief, Professor
Natalia G. Novikova